

Ежемесячный журнал. № 6 (88) июнь 2021
ISSN 2500-2643

Вестник экономического правосудия Российской Федерации

С.И. Соболев
Субсидиарная ответственность
при административной ликвидации
должника

К.П. Саврыга
Премия за контроль в российском
корпоративном праве

А.Ю. Глазунов
Исковая давность по косвенным
искам

Д.В. Ильин, А.Д. Борисова
Преюдициальность арбитражных
решений в России

Вестник ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ежемесячный журнал
№ 6 (88) июнь 2021

Главный редактор:

А.Г. Карапетов,
доктор юридических наук

Директор издательства:

В.А. Багаев

Учредитель и издатель —
ООО «Издательская группа «Закон»

Свидетельство о регистрации СМИ:
серия ПИ № ФС77-72466 от 05.03.2018

Включен в Перечень рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней.
Группа научных специальностей
12.00.00 — юридические науки

Адрес редакции: 107078,
г. Москва, а/я 94
Тел.: (495) 927-01-62
www.vestnik.ru
E-mail: post@vestnik.ru

Выпускающий редактор: О.С. Розанова
Корректор: Т.А. Казакова
Верстка: М.А. Гранкина

Подписано в печать 11.06.2021
Формат 60 x 84 1/8. Объем 192 с.
Тираж 4000 экз.
Отпечатано в ООО «Медиаколор»

Редакционный совет:

- Абушенко Д.Б. — профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук
- Архипова А.Г. — консультант Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО, кандидат юридических наук
- Асосков А.В. — профессор кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук
- Багаев В.А. — преподаватель Московской высшей школы социальных и экономических наук, руководитель проекта «Закон.ру», магистр юриспруденции (СПбГУ), MJur (Охон)
- Бациев В.В. — почетный работник судебной системы, действительный государственный советник юстиции 3-го класса
- Белов В.А. — профессор кафедры коммерческого права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук
- Борисова Е.А. — профессор кафедры гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук
- Гаджиев Г.А. — судья Конституционного Суда РФ, профессор кафедры гражданского права и процесса НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, доктор юридических наук
- Дождев Д.В. — декан факультета права Московской высшей школы социальных и экономических наук, заведующий кафедрой теории и истории частного права Российской школы частного права, доктор юридических наук
- Иванов А.А. — профессор, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук
- Ильин А.В. — декан юридического факультета НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, доктор юридических наук
- Калятин В.О. — профессор Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, старший научный сотрудник Международной лаборатории по праву информационных технологий и интеллектуальной собственности НИУ ВШЭ, главный юрист по интеллектуальной собственности ООО «УК «РОСНАНО»», кандидат юридических наук
- Козлова Н.В. — заместитель декана, профессор кафедры гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук
- Комаров А.С. — профессор, заведующий кафедрой международного частного права ВАВТ, доктор юридических наук
- Красавчикова Л.О. — судья Конституционного Суда РФ, профессор кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук
- Кресси Регицци Г. — профессор кафедры гражданского права СПбГУ, доктор юридических наук
- Мифтахутдинов Р.Т. — доцент кафедры административного и финансового права СПбГУ, кандидат юридических наук
- Павлов А.А. — доцент кафедры гражданского права юридического факультета СПбГУ, кандидат юридических наук
- Рудоквас А.Д. — профессор кафедры гражданского права СПбГУ, доктор юридических наук
- Толстой Ю.К. — академик РАН, профессор кафедры гражданского права СПбГУ, доктор юридических наук
- Степанов Д.И. — доцент факультета права НИУ ВШЭ, кандидат юридических наук, LL.M., MPA
- Шевелева Н.А. — заведующая кафедрой административного и финансового права СПбГУ, доктор юридических наук
- Шрамм Х.-И. — доктор юридических наук (Университет Висмара)
- Ярков В.В. — профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Содержание/Contents

4 От редакции

Дайджест

- 5 Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за апрель 2021 г.

Свободная трибуна

- 27 С.И. Соболев
Препарирование института субсидиарной ответственности при административной ликвидации должника
- 74 К.П. Саврыга
Премия за контроль и ее распределение в российском корпоративном праве
- 121 А.С. Лиханов, Р.А. Чичакян
Максимизация акционерной стоимости или помощь стейкхолдерам — чьи цели преследуют директора, управляя корпорацией?
- 136 А.Ю. Глазунов
Исковая давность по косвенным искам участников и директоров хозяйственных обществ
- 167 Д.В. Ильин, А.Д. Борисова
Преюдициальность арбитражных решений в России

4 Introduction

Digest

- 5 Digest of the Rulings of the RF Supreme Court on Private Law for April 2021

Articles

- 27 Stanislav Sobolev
The Secondary Liability in Case of Debtor's Administrative Liquidation: Dissecting the Legal Institute
- 74 Konstantin Savryga
Control Premium, Benefits of Control and Their Distribution in Russian Corporate Law
- 121 Alexander Likhanov, Rimma Chichakyan
Maximising Shareholder Value or Satisfying Stakeholders' Interests — Whose Goals Do Directors Pursue When Managing a Corporation's Business?
- 136 Alexey Glazunov
Limitation Period for Indirect Claims by Members and Directors of Companies
- 167 Dmitry Ilin, Alexandra Borisova
Prejudicial Nature (Issue Estoppel Effect) of Arbitral Awards in Russia

Дмитрий Владимирович Ильин
юрист, «Кульков, Колотилов и партнеры»

Александра Денисовна Борисова
юрист, «Кульков, Колотилов и партнеры»

Преюдициальность арбитражных решений в России¹

Статья посвящена изучению преюдициальности арбитражных решений. На сегодняшний день государственные суды юридически не связаны выводами третейских судов об обстоятельствах дела. Потенциально это может привести к сосуществованию двух решений с противоположными выводами об обстоятельствах (например, о расторжении договора). Хотя в доктрине давно развивается позиция о том, что преюдициальность арбитражных решений следует из других их свойств (в частности, обязательности для сторон), в судебной практике она до сих пор отрицается. Однако есть ряд способов, которые могут позволить достичь схожего с преюдициальностью эффекта. Они и будут рассмотрены в статье.

Ключевые слова: преюдиция, третейский суд, доказательства, злоупотребление правом, признание и приведение решения в исполнение

¹ Мнение, изложенное в настоящей работе, является позицией авторов, но не Адвокатского бюро города Москвы «ККП». Приведенные законодательство и судебная практика актуальны по состоянию на июль 2020 г., когда был подготовлен текст статьи.

Введение в проблематику

Коммерческий арбитраж² постепенно становится все более популярным способом разрешения споров. Об этом свидетельствуют статистика арбитражных учреждений³ и многочисленные публикации, анализирующие регулирование этого правового института⁴. Кроме того, в 2016 г. в России была проведена так называемая третейская реформа⁵, направленная на совершенствование института арбитража в России. Несмотря на то, что некоторые исследователи оценивают ряд ее направлений негативно (например, в части сокращения количества арбитражных учреждений), в целом реформа позволила либерализовать нормативное регулирование арбитража в России.

Однако с ростом привлекательности арбитража всплывают некоторые старые правовые проблемы, не разрешенные к настоящему времени. Одной из них является преюдициальность арбитражных решений⁶.

Очевидно, что результат арбитражного разбирательства не обладал бы какой-либо ценностью, если бы решение трибунала невозможно было принудительно исполнить на территории государства, в котором расположены активы должника. Именно поэтому в свое время на международном уровне была принята Нью-Йоркская конвенция, которая послужила основой для трансграничного признания и приведения в исполнение арбитражных решений⁷.

Будет ли обладать арбитраж той же привлекательностью (в качестве альтернативы рассмотрению спора в государственном суде), если в последующем сторона арбитражного разбирательства сможет пересмотреть выводы трибунала уже в другом деле, рассматриваемом в государственном или третейском суде? Ответ видится очевидным, ведь это создает существенные риски несения расходов на арбитраж,

² В рамках настоящей статьи термин «арбитраж» используется для обозначения разбирательства в третейском суде с местом арбитража как на территории России, так и на территории иностранного государства.

³ См., напр.: International Arbitration Statistics 2018 — Another busy year for Arbitral Institutions // Global Arbitration News. 2019. URL: <https://globalarbitrationnews.com/international-arbitration-statistics-2018-another-busy-year-for-arbitral-institutions/>; LCIA Annual Casework Report. 2018. P. 4. Однако стабильный рост обращений в институциональный арбитраж характерен не для всех арбитражных учреждений; см. статистику МКАС при ТПП РФ: <http://mkas.tppf.ru/ru/Stat/page.php>.

⁴ См., напр.: *Гальперин М.Л., Павлова Н.В.* Куда идет третейское разбирательство? // Закон. 2019. № 8. С. 125–139; Новые горизонты международного арбитража: сб. ст. выступающих на конференции «Российский арбитражный день — 2018 / под науч. ред. А.В. Асоскова, А.И. Муранова, Р.М. Ходыкина. Вып. 4. М., 2018; Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / под ред. Р.О. Зыкова. М., 2019.

⁵ Реформа предусматривала буферный (переходный) период до осени 2017 г.

⁶ См., в частности: *Бенедская О.А.* Преюдиция в арбитражных и третейских судах: теоретические и прикладные проблемы в свете запрета злоупотребления процессуальными правами // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4. С. 216–235.

⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. Россия является ее участником.

результаты которого впоследствии могут оказаться бесполезными, поскольку будут пересмотрены государственным судом.

Именно в этом и заключается проблема преюдиции арбитражных решений в России (а точнее, ее отсутствия). На сегодняшний день преюдициальным характером по смыслу процессуальных кодексов обладают только решения государственных судов. Поэтому государственным судам не запрещается пересматривать обстоятельства, установленные ранее трибуналом в ходе арбитражного разбирательства⁸.

В связи с этим можно выделить следующие вопросы. Во-первых, необходимо ли закрепление в законе свойства преюдициальности арбитражных решений или это следует непосредственно из других свойств арбитражного решения (таких как его обязательность для сторон)? Во-вторых, если арбитражные решения не обладают преюдициальностью, то есть ли другие альтернативные правовые аргументы, на которые можно положиться, чтобы достичь аналогичного юридического эффекта (т.е. связанности сторон третейского разбирательства выводами трибунала об обстоятельствах)? Ниже мы постараемся кратко осветить указанные вопросы, но сначала необходимо затронуть понятие и значение такого правового института, как преюдиция.

Понятие и значение преюдиции

Термин «преюдиция» происходит от лат. *praejudicium*, что буквально означает «предрешение». В римском праве этот термин использовался в отношении ситуаций, когда (1) вопрос уже был разрешен в другом деле (как прецедент) или (2) рассматриваемый вопрос должен был быть предварительно разрешен в отдельном судопроизводстве. Поэтому в юридическом значении слово *praejudicialis* (лат.) означало «относящийся к предыдущему судебному решению».

В этом смысле слово *praejudicialis* использовалось, в частности, в следующих формах: 1) *exceptio praejudicialis*; 2) *actio praejudicialis*; 3) *sponsio praejudicialis*. Первая форма заключалась в том, что при рассмотрении какого-либо дела сторона имела право потребовать его приостановить до разрешения другого взаимосвязанного спора⁹. Например, спор об установлении сервитута мог быть приостановлен до выяснения вопроса в другом процессе о том, кто является собственником земельного участка.

Следующая форма (*actio praejudicialis*) касалась подачи так называемых предварительных исков, т.е. исков о состоянии, направленных на установление судом на-

⁸ За исключением ситуации, когда речь идет непосредственно о судебном процессе, связанном с признанием и приведением в исполнение арбитражного решения (выдачей исполнительного листа, отменой арбитражного решения), так как в таком случае государственный суд не вправе пересматривать дело по существу.

⁹ См.: Савиньи Ф.К., фон. Система современного римского права. Т. IV / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М., 2016. С. 255.

личия оснований для определенного права¹⁰. Они отличались от исков о признании¹¹ и были нацелены на констатацию судом существования или содержания определенного субъективного права, что обеспечивало защиту от нарушения или присвоения этого права третьим лицом¹².

Третья форма (*sponsio praejudicialis*), в свою очередь, касалась юридических фикций, признаваемых в римском праве. Обращение к преюдиции в этой форме означало, что стороны для решения какого-либо вопроса создавали фикцию обязательства¹³. Это было связано с тем, что в римском праве существовали определенные формулировки исков, которые нельзя было изменить. Если вопрос не подпадал под такую формулировку, то с соответствующим иском нельзя было обратиться в суд. Поэтому стороны создавали фиктивное обязательство, обращались в суд по причине его неисполнения, а суд, помимо прочего, разрешал интересующий их вопрос, устанавливая факт правоты одной из сторон по спору, не подпадающему под формулу иска, как обстоятельство, имеющее отношение к делу, основанному на фиктивном обязательстве.

Таким образом, обращение к преюдиции означало, что вопрос либо был предрешен, либо должен был быть предрешен. Сегодня же понимание преюдиции в российском процессуальном праве существенно уже. Когда говорят о преюдиции, то имеют в виду преюдициальные факты, т.е. обстоятельства¹⁴, предрешенные ранее, которые не надо заново устанавливать или доказывать¹⁵. В литературе бесспорным является утверждение о том, что в отечественном праве преюдиция означает отсутствие необходимости повторного доказывания обстоятельств, а также установления их судом¹⁶.

Дискуссия развивается в основном только вокруг объективных и субъективных пределов преюдиции (описание которых выходит за рамки настоящей статьи):

- объективными пределами преюдиции являются обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда по ранее рассмотренному делу;
- субъективным пределом преюдиции является наличие одних и тех же лиц, участвующих в деле, или их правопреемников в первоначальном и последующем процессах.

¹⁰ См.: Пободоносцев К.П. Курс гражданского права. М., 2014. С. 907.

¹¹ Сегодня такие иски в доктрине разграничивают как иск о признании и иск о присуждении.

¹² См.: Хвостов В. Система римского права. М., 2019. С. 74–75.

¹³ См., напр.: Танимов О.В. Теория юридических фикций: монография. М., 2015.

¹⁴ Для целей настоящей статьи мы используем слово «факты» в том числе в значении «обстоятельства». Рассмотрение проблемы соотношения терминов «факты», «правоотношения» и «обстоятельства» выходит за пределы настоящего исследования.

¹⁵ См.: Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

¹⁶ См.: Особенности арбитражного производства: учеб.-практ. пособие / под ред. И.В. Решетниковой. М., 2019.

Наличие в российском праве преюдиции следует из соответствующих статей процессуальных кодексов:

- *«Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Д.И., А.Б.) по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица»* (ч. 2 ст. 69 АПК РФ);
- *«Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица, а также в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом»* (ч. 2 ст. 61 ГПК РФ);
- *«После вступления в законную силу решения суда стороны, другие лица, участвующие в деле, их правопреемники не могут вновь заявлять в суде те же иски, требования, на том же основании, а также оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты и правоотношения»* (ч. 2 ст. 209 ГПК РФ).

По смыслу приведенных норм преюдиция означает predeterminedness определенных фактов. С одной стороны, это выражается в том, что лицо не вправе их оспаривать в дальнейшем, а с другой — что оно не обязано их повторно доказывать.

Значение преюдиции трудно переоценить, так как она снижает риск сосуществования конкурирующих судебных решений (т.е. решений с противоположными выводами касательно тех или иных обстоятельств), реализация которого подрывает стабильность судебной системы и авторитет судебной власти. Кроме того, она обеспечивает процессуальную экономию, т.е. экономию ресурсов государства на рассмотрение того или иного дела, что является конституционным принципом осуществления правосудия, несмотря на то что это прямо не закреплено в процессуальных кодексах¹⁷.

Для целей настоящей статьи имеет смысл разделять преюдицию арбитражных решений в вертикали государственных судов и преюдицию в системе третейских судов.

¹⁷ «При этом процессуальная экономия как таковая не является для законодателя самоцелью: в первую очередь она призвана заложить основу для организационно наиболее быстрого и эффективного разрешения дел в судебной системе в целом, что обязывает к принятию законодательных решений в сфере процессуального правового регулирования с учетом предписаний статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации...» (постановление КС РФ от 19.07.2011 № 17-П); «...принцип процессуальной экономии позволяет избежать неоправданного использования временных, финансовых и кадровых ресурсов органов судебной власти государства в ходе рассмотрения дела; при этом процедуры, учитывающие данный принцип, имеют значение не столько с точки зрения рационального расходования публичных ресурсов <...> сколько с точки зрения создания условий для скорейшего предоставления лицам, участвующим в деле, судебной защиты, своевременность осуществления которой, учитывая характер поставленного перед судом вопроса, может оказаться не менее значимой, чем сама возможность ее получения» (постановление КС РФ от 20.10.2015 № 27-П).

Преюдиция арбитражных решений по отношению к государственным судам

На сегодняшний день господствующей точкой зрения является то, что решения третейских судов не обладают преюдициальностью, в отличие от решений государственных судов¹⁸. В основу такого вывода ложится формальное толкование положений процессуальных кодексов, которые предусматривают освобождение от доказывания фактов, установленных исключительно государственными судами (см. цитаты из законов, приведенные выше). Например, в авторитетном учебнике под редакцией проф. В.В. Яркова отмечается: «В российском процессуальном законодательстве решениям третейского суда преюдициальное значение не придается. По общему правилу установленные в решении третейского суда факты и правоотношения подлежат доказыванию при рассмотрении другого спора с участием тех же лиц»¹⁹.

По этому пути развивается и судебная практика. В государственных судах устоялась позиция, что решения третейских судов не обладают преюдициальной силой. Насколько известно авторам, впервые Президиум ВАС РФ высказался по этому вопросу еще в 2014 г. в деле о взыскании задолженности с Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН)²⁰. Согласно обстоятельствам данного дела, с учреждения, подконтрольного РАСХН, в третейском суде был взыскан задаток. Впоследствии был получен исполнительный лист и инициировано исполнительное производство, которое было прекращено по причине отсутствия денежных средств у учреждения, после чего кредитор обратился с иском непосредственно к РАСХН как к лицу, которое должно отвечать по долгам учреждения.

Суд первой инстанции удовлетворил требования кредитора, суды апелляционной и кассационной инстанций решение поддержали. Однако Президиум ВАС РФ с выводами нижестоящих судов не согласился. В частности, он указал, что РАСХН не являлась стороной третейского разбирательства, а значит, решение трибунала не имеет никакой силы, в том числе преюдициальной, для такого лица. Хотя выводы суда были основаны на том, что ответчик не являлся стороной третейского разбирательства, Президиум ВАС РФ указал, что решения третейских судов преюдициальной силой не обладают: «Согласно статье 69 названного Кодекса не подлежат доказыванию при рассмотрении арбитражным судом дела лишь те обстоятельства, которые были установлены вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, в котором участвуют те же лица. Таким образом, обстоятельства, установленные решением третейского суда, не имеют преюдициальной силы при рассмотрении дела арбитражным судом и не могут являться основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности третьих лиц, не заключавших третейское соглашение и не принимавших участие в третейском разбирательстве».

¹⁸ См.: *Зверева Н.С.* Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции / под ред. В.В. Яркова. М., 2017; *Гавриленко В.А.* Свойство преюдициальности решений третейских судов // *Исполнительное право.* 2006. № 3. С. 9–10.

¹⁹ Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

²⁰ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 11.02.2014 № 15554/13 по делу № А40-116181/12-11-1051.

Этот вывод Президиума ВАС РФ можно было бы толковать узко. Ведь по общему правилу преюдиция имеет субъективные пределы и не распространяется на лиц, не являвшихся участниками предыдущего дела, в котором были установлены спорные обстоятельства. Но в судебной практике и доктрине данный вывод начал толковаться расширительно. Кроме того, чуть ранее уже вышло следующее разъяснение Конституционного Суда РФ по этому вопросу: «Данное законоположение [ст. 61 ГПК РФ] во взаимосвязи с частью первой статьи 1, частью первой статьи 3, статьей 5, частью первой статьи 13 ГПК Российской Федерации *означает, что преюдициальными признаются обстоятельства, установленные судебными постановлениями судов общей юрисдикции, но не решениями третейских судов, что соответствует статусу третейских судов как альтернативной формы разрешения гражданско-правовых споров*, в рамках которой, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 26 мая 2011 года № 10-П, не осуществляется правосудие»²¹.

Таким образом, КС РФ отчетливо разъяснил, что отсутствие преюдициальной силы у решений третейских судов обусловлено тем, что арбитраж является лишь альтернативной формой разрешения споров, в рамках которой правосудие не осуществляется.

На сегодняшний день в судебной практике суды придерживаются указанных позиций Президиума ВАС РФ и КС РФ, отрицая наличие преюдициальной силы у арбитражных решений²². Например, АС Московского округа в одном из своих постановлений указал: «В подтверждение части убытков истцом представлено решение Третейского суда при «Южной Торгово-Промышленной палате Московской области» от 29.08.2016. В силу статьи 69 АПК РФ обстоятельства, установленные решением третейского суда[,] преюдициальными не являются, то есть подлежат доказыванию в рамках настоящего дела»²³.

Соглашаясь с отсутствием преюдиции арбитражных решений, исследователи в большинстве своем обращают внимание на то, что такое состояние дел представляет собой законодательный пробел, упущение и решения третейских судов необходимо наделять преюдициальной силой. В подтверждение данного тезиса приводятся, в частности, следующие аргументы.

Во-первых, арбитраж основан на соглашении сторон, заключая которое стороны принимают на себя обязанность добровольно исполнять решение третейского суда, а значит, и признавать выводы трибунала по спорным вопро-

²¹ Определение КС РФ от 28.05.2013 № 851-О.

²² См., напр.: постановление АС Западно-Сибирского округа от 22.03.2018 по делу № А27-2877/2017 («Также вопреки доводам кассатора в силу статьи 69 АПК РФ обстоятельства, установленные решением третейского суда[,] преюдициальными не являются, то есть подлежат доказыванию в рамках настоящего дела»). Аналогично в постановлении АС Дальневосточного округа от 17.03.2017 по делу № А73-14479/2015 («Соответственно обстоятельства, установленные решением третейского суда, не имеют преюдициального значения при рассмотрении дела арбитражным судом, в связи с чем они должны устанавливаться судами при его рассмотрении»).

²³ Постановление АС Московского округа от 21.02.2018 по делу № А41-41565/17.

сам²⁴. В зарубежной литературе такую теорию называют договорной теорией *res judicata*²⁵. Соглашаясь на арбитраж, стороны тем самым соглашаются на определенные недостатки и преимущества такого способа разрешения споров и, соответственно, впоследствии связаны выводами трибунала (для одной из сторон это является преимуществом, а для другой — недостатком, на который она согласилась заблаговременно).

Во-вторых, как вытекает из предыдущего аргумента, решение третейского суда *обязательно* для сторон, а значит, и выводы трибунала, сделанные им по результатам анализа обстоятельств дела, тоже обязательны. То есть стороны не просто соглашаются на определенные недостатки, но и в целом обязывают себя соответствующим решением. Если стороны впоследствии могут свободно сослаться на иной порядок вещей, то принцип обязательности арбитражного решения дискредитируется. В то же время обязательность решения третейского суда для сторон не означает его обязательности для государственного суда. Следовательно, выводы третейского суда изначально поставлены под сомнение²⁶. В дальнейшем мы коснемся этого вопроса в рамках обсуждения «частноправового правосудия».

В-третьих, развитие экономических связей требует гибкого и трансграничного признания решений, принятых в рамках третейского судопроизводства²⁷. Стороны должны быть уверены в том, что смогут использовать решение арбитража для целей его принудительного исполнения и последующего использования в будущих спорах. Обратное влечет высокие риски, связанные с неэффективностью арбитража, издержками на повторное доказывание уже установленных ранее обстоятельств, или риск принятия противоречащих друг другу судебных актов. В частности, при отсутствии преюдициальности возможно сосуществование на территории России акта государственного суда и акта третейского суда, которые установили одни и те же обстоятельства по-разному²⁸. Поэтому *de lege ferenda* преюдициальность арбитражных решений следует признавать.

Также в научной литературе отмечается, что законодательное признание такой формы юрисдикционной защиты, как арбитраж, означает, что решения третейских судов должны наделяться преюдициальной силой, иначе арбитраж не обеспечивает полноценную защиту интересов сторон²⁹, тем более что арбитражная процедура обеспечивает необходимый объем гарантий сторонам в части соблю-

²⁴ См.: Международный коммерческий арбитраж: учебник / отв. ред. Т.А. Лунаева; науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. — М., 2018.

²⁵ См., напр.: *Асосков А.В.* Комментарий к Рекомендациям Ассоциации международного права о применении доктрин *lis pendens* и *res judicata* в отношении арбитража: основные положения и перспективы использования в российской практике // Международный коммерческий арбитраж. 2008. № 2. С. 74–98.

²⁶ См.: *Чупахин И.М.* Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы. М., 2015.

²⁷ См.: *Ерпылева Н.Ю.* Международный коммерческий арбитраж: институционно-нормативный механизм правового регулирования // Законодательство и экономика. 2011. № 1. С. 38–58.

²⁸ См.: *Костин А.А.* Проблема преюдициальной силы решений международных коммерческих арбитражей в законодательстве РФ // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 493–498.

²⁹ См.: *Бенедская О.А.* Указ. соч.

дения их процессуальных прав³⁰, а субъективные пределы преюдициальности исключают нарушение прав третьих лиц, которые не участвовали в третейском разбирательстве³¹.

Преюдиция арбитражных решений по отношению к третейским судам

Иначе решается вопрос о преюдиции между различными трибуналами в системе третейских судов. В доктрине высказывается мнение о том, что в данном случае трибуналы должны следовать рекомендациям Ассоциации международного права (*International Law Association, ILA*), которая признает преюдициальный эффект арбитражных решений³². При этом отмечается, что на практике трибуналы следуют указанным разъяснениям и основывают свои выводы на преюдициальном характере решений третейского суда³³. Это характерно и для отечественной практики третейского разбирательства. Например, МКАС при ТПП РФ в своей деятельности достаточно часто полагается на принцип преюдициальности арбитражных решений³⁴. В одном из дел МКАС при ТПП РФ постановил следующее:

- «5.2. Установленные МКАС обстоятельства и приведенные в Решении МКАС 2014 года выводы, к которым пришли арбитры, могут иметь преюдициальный характер, если в них содержится окончательная и обязательная для сторон оценка их отношений.

Субъектный состав спорящих сторон в арбитражном разбирательстве по указанному делу МКАС и в настоящем деле совпадает.

Решение МКАС 2014 года является с даты его вынесения окончательным и обязательным для сторон.

- 5.3. Учитывая изложенное, состав арбитража признает преюдициальный характер Решения МКАС 2014 года при решении вопросов, возникающих в ходе настоящего арбитражного разбирательства»³⁵.

Есть также примеры дел, где МКАС при ТПП РФ полагался на факты, установленные иным арбитражным учреждением в качестве преюдициальных:

³⁰ Более того, стороны добровольно согласились, что таких гарантий достаточно, заключив арбитражное соглашение.

³¹ См.: *Зверева Н.С.* Указ. соч.

³² См.: *International Law Association Recommendations on Res Judicata and Arbitration (Resolution No. 1/2006); Final Report on Res Judicata and Arbitration // Arbitration International. Vol. 25. Iss. 1. P. 67–82* (приводится по: *Международный коммерческий арбитраж: учебник*).

³³ См.: *Kotelnikov A., Kurochkin S.A., Skvortsov O.* *Arbitration in Russia*. Alphen aan den Rijn, 2019. P. 159–182 (Ch. 10: Award). См. также: *Международный коммерческий арбитраж и вопросы частного права: сб. ст. / отв. ред. И.П. Грешников. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019.*

³⁴ См.: решения МКАС при ТПП РФ от 10.03.2016 по делу № 163/2015; коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 10.04.2018 по делу № М-198/2017.

³⁵ Решение МКАС при ТПП РФ от 24.02.2016 по делу № 107/2015.

«В то же время сделанные в Решении МКАС при ТПП Украины выводы могут иметь преюдициальный характер (эффект *res judicata*), если в них содержится окончательная и обязательная для Сторон оценка их отношений, что более подробно описано в настоящем решении ниже при анализе существа исковых требований <...> В соответствии с принципом *res judicata*, который служит юридическим средством предотвращения и преодоления противоречий между предыдущим и последующим решениями... состав арбитража признает в этой части преюдициальный характер Решения МКАС при ТПП Украины»³⁶.

Таким образом, оценивая приведенную выше практику и доктрину, можно заключить, что в России решения третейских судов не обладают преюдициальной силой по отношению к последующим разбирательствам в государственных судах, но могут иметь преюдициальный эффект при рассмотрении спора другим трибуналом (однако пока это носит только рекомендательный характер).

Подход к преюдиции арбитражных решений в иностранной практике

В авторитетных исследованиях по международному коммерческому арбитражу отмечается, что вопрос наличия преюдиции у решений третейских судов зависит от национального законодательства, так как прямо не разрешен в Нью-Йоркской конвенции, и поэтому поставлен в зависимость от того, относится ли законодательство той или иной страны к англо-американской или романо-германской правовой семье³⁷. Отличие заключается в том, что в англо-американской правовой семье преюдиция покрывается доктриной *res judicata*, а в романо-германской — нет.

В странах общего права доктрина *res judicata* имеет общий характер и покрывает сразу несколько принципов. Например, ею охватываются такие принципы (неизвестные российскому праву), как *merger*, что означает «слияние» всех возможных прав лица в единое право, следующее из решения суда по спорному вопросу, и правило из дела '*Henderson v. Henderson*', согласно которому не допускается в последующем судопроизводстве рассматривать обстоятельства, которые могли (и должны были) быть рассмотрены в предыдущем деле³⁸. Однако классически *res judicata* включает в себя *claim estoppel* и *issue estoppel*. Первый из них предполагает, что не допускается повторное рассмотрение дела между теми же сторонами по тому же предмету и основаниям, второй — что не допускается пересмотр установленных ранее фактов в споре между теми же сторонами.

Соответственно, *claim estoppel* — это то, что в России обычно принято понимать под *res judicata* (исключительность решения суда, т.е. невозможность обратиться в суд с тождественным иском), а *issue estoppel* — это то, что принято понимать под преюдицией. Однако в России два указанных элемента *res judicata* закреплены и регулируются отдельно. Так, *claim estoppel*, или *res judicata*, закреплен в ч. 1 ст. 150

³⁶ Решение МКАС при ТПП РФ от 02.09.2013 по делу № 225/2012.

³⁷ См.: Gary B. International Commercial Arbitration. Alphen aan den Rijn, Kluwer Law International, 2014. P. 3732–3827 (Ch. 27).

³⁸ *Virgin Atlantic Airways v. Zodiac Seats* [2013] UKSC 46. Para 17.

АПК РФ³⁹, согласно которой суд прекращает дело, если имеется вступивший в законную силу принятый по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям судебный акт как государственного, так и третейского суда. *Issue estoppel* закреплен в иных статьях и не распространяется на третейские суды.

В США и Великобритании, напротив, доктрина *res judicata* применяется целиком (т.е. нераздельно) к любому судебному акту (как государственного суда, так и третейского), т.е. одновременно в части *claim estoppel* и *issue estoppel*, что означает признание преюдиции решения третейского трибунала⁴⁰. В России же нет совместного применения указанных доктрин, что образует существенное отличие в эффекте решения арбитража, зависящего от национального законодательства. Такое же, как в России, состояние дел отмечается, например, во Франции⁴¹.

Рассуждение касательно поставленных вопросов

Законная сила судебного решения

Преюдициальность представляет собой одно из свойств судебного решения, или, иначе говоря, представляет собой компонент его законной силы. Другими такими компонентами являются обязательность, исключительность, исполнимость и непровержимость⁴². Часто эти компоненты именуют последствиями вступления решения суда в законную силу, аргументируя это тем, что законная сила решения — это прежде всего его окончательность, а перечисленные выше свойства — последствия такой окончательности⁴³. Не вдаваясь в дискуссию, важно обратить внимание на то, что так или иначе преюдициальность непосредственно связана с законной силой судебного решения (а точнее, производна от нее).

Законная сила судебного решения, в свою очередь, не возникает из ниоткуда, а напрямую связана с тем, что решение суда является актом правосудия. В частности, проф. Н.Б. Зейдер в отношении законной силы судебного решения отмечал: «Это качество судебного процесса вытекает непосредственно из специфики судебного решения как акта правосудия»⁴⁴.

³⁹ Аналогичное положение содержится в ст. 220 ГПК РФ.

⁴⁰ См.: Redfern and Hunter on International Arbitration. Oxford University Press, 2009. Para 8-74. См. также: Margaret L.M. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration, Cambridge, 2008. Section E.

⁴¹ См.: Derbushev G. Res Judicata and Arbitral Awards. Budapest, Central European University, 2019. P. 43–44. См. также: Schaffstein S. The Doctrine of Res Judicata Before International Arbitral Tribunals: PhD Thesis. Geneva, 2012. Paras 133–136.

⁴² См.: Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. Автор отмечает, что выделение непровержимости как отдельного свойства судебного решения спорно.

⁴³ См.: Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов. М., 2007.

⁴⁴ Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 113. См. также: Безруков А.М. Указ. соч. («Таким образом, законная сила — это такая характеристика судебного решения, которая позволяет говорить о нем как об акте правосудия»).

В современной литературе авторы приходят к аналогичным выводам: «Исходя из вышеизложенного анализа правовой природы свойства законной силы, мы делаем вывод о том, что законная сила предшествует общеобязательности и всем остальным свойствам, являясь отправной точкой возникновения последних. Ведь не зря исторически и традиционно понятие законной силы связывалось с судебным решением как актом правосудия»⁴⁵.

Таким образом, вопрос наделения судебного решения свойством преюдициальности, как и любым иным другим свойством (или последствием), указанным выше, непосредственно связан с тем, что решение государственного суда является актом правосудия. Однако насколько это относимо к решениям третейских судов?

Часть 1 ст. 118 Конституции РФ гласит, что правосудие в России осуществляется только судом. Что именно понимается под «судом», в Конституции РФ не говорится, но в части 3 указанной статьи дается отсылка к Федеральному конституционному закону от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», закрепляющему судебную систему в России. В свою очередь, в ст. 4 этого Закона («Суды Российской Федерации») прямо указано, что в судебную систему входят только государственные суды. Следовательно, только государственные суды, но не третейские, вправе осуществлять правосудие.

К данному выводу не раз приходил Конституционный Суд РФ, отмечая, что решения третейских судов не являются актом правосудия: «...также не может рассматриваться как нарушающая конституционное право заявителя на судебную защиту, поскольку, как уже отмечалось, третейское разбирательство является одной из альтернативных форм защиты гражданских прав, третейский суд не относится к органам осуществления правосудия»⁴⁶.

Вышеуказанное означает, что если решение трибунала не является актом правосудия, то оно и не обладает законной силой, которой обладает решение государственного суда. Соответственно, недопустимо говорить о таких свойствах решения третейского суда, как обязательность, исключительность, исполнимость, неопровержимость и преюдициальность, если они прямо не предусмотрены законом (так как невозможно соглашением сторон предусмотреть собственную юрисдикционную форму защиты прав, если законодатель не допустил такой альтернативы юрисдикционной защиты в государственном суде).

Российские процессуальные законы и специальные законы, регулирующие арбитраж⁴⁷, не содержат положений, которые бы свидетельствовали о наделении решения третейского суда свойством преюдициальности. Поэтому, несмотря на приведенные выше аргументы за наделение решений третейского суда таким свойством, по российскому праву арбитражные решения им не обладают.

⁴⁵ Манташян А.О. Исполнимость судебного решения // Современное право. 2015. № 11. С. 89–93.

⁴⁶ Определение КС РФ от 05.02.2015 № 233-О. См. также: определение КС РФ от 04.06.2007 № 377-О-О.

⁴⁷ Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»; Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 25.12.2018) «О международном коммерческом арбитраже».

Еще одним примером отличия законной силы решения третейского суда от решения государственного суда является свойство исполнимости. Этот компонент означает, что решение суда может быть принудительно исполнено. Однако решения третейских судов не могут быть принудительно исполнены без совершения дополнительных процедур, так как требуется либо получение исполнительного листа, либо прохождение процедуры признания и приведения в исполнение такого решения (в зависимости от места принятия трибуналом решения)⁴⁸. Это подчеркивает корректность вывода касательно отличий в законной силе решений государственного суда и третейского суда, так как свойство исполнимости не имманентно арбитражному решению (как и свойство преюдициальности).

Совокупный эффект обязательности, неопровержимости и исключительности

Продолжая дискуссию, следует отметить, что в силу закона решение третейского суда обладает оставшимися тремя (из пяти) свойствами, т.е. неопровержимостью, исключительностью и обязательностью⁴⁹. Неопровержимость означает, что решение трибунала не может быть пересмотрено. Это вытекает из ч. 6 ст. 232, ч. 4 ст. 238 АПК РФ⁵⁰, а также из принципа окончательности⁵¹ решения трибунала⁵². Исключительность, в свою очередь, предполагает, что лица, участвовавшие в деле, и их правопреемники не вправе обращаться в суд с тождественными исками (принцип *res judicata*). Исключительность решений третейского суда закреплена в п. 3 ч. 1 ст. 150 АПК РФ⁵³. Эти свойства не зависят от санкции государственного суда, а значит, имманентны законной силе решений третейского суда.

Еще одним таким свойством является обязательность решения. Однако если решение государственного суда является обязательным для широкого круга лиц, то

⁴⁸ См.: ст. 236, 241 АПК РФ, ст. 416, 423 ГПК РФ. См. также: Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей (утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2018): «В отличие от решений судов свойством принудительной исполнимости решение третейского суда, международного коммерческого арбитража наделяется только после прохождения установленных процессуальным законодательством процедур получения исполнительного листа на его принудительное исполнение, признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений».

⁴⁹ См.: Чупахин И.М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 16 (приводится по: Зверева Н.С. Указ. соч.). См. также: Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М., 2017.

⁵⁰ Аналогично в ч. 6 ст. 420 и ч. 4 ст. 425 ГПК РФ.

⁵¹ Имеется в виду принцип, согласно которому решение третейского суда не может быть повторно пересмотрено (а если и может, то только в рамках процедур, прямо предусмотренных законом / применимым регламентом). Этот принцип следует отличать от соглашения сторон об окончательности арбитражного решения, при достижении которого арбитражное решение не подлежит отмене (возражения можно будет заявлять только при признании его и приведении в исполнение (выдаче исполнительного листа)) (ст. 40 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», п. 1 ст. 34 Закона РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»).

⁵² См.: Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / под общ. ред. В.В. Хвалея. М., 2017.

⁵³ Аналогичное положение содержится в ст. 220 ГПК РФ.

решение третейского суда обязательно только для сторон арбитражного соглашения. Поэтому для получения полноценного свойства обязательности требуется санкция государства.

Описанные свойства законной силы решения третейского суда необходимы для того, чтобы попробовать ответить на следующий вопрос: а не следует ли свойство преюдициальности из указанных свойств в совокупности? Ведь если решение трибунала обязательно для сторон (а значит, и его выводы) и не может быть пересмотрено, то фактически стороны лишаются возможности противоречить фактам, установленным таким решением третейского суда. К схожему пониманию приходит и Н.Ю. Ерпылева, отмечающая, что свойство преюдициальности неразрывно связано с такими свойствами решения, как неопровержимость, исключительность и обязательность:

«Неслучайно и в современной доктрине появляются работы, в которых говорится о тесной связи обязательности и преюдициальности. Свойства юридической силы арбитражного решения есть лишь различные проявления его действия как акта применения права. Они неразрывно связаны и производны друг от друга, поэтому, признавая на своей территории действие арбитражного решения, государство не может ограничивать пределы действия его свойств»⁵⁴.

Мы не видим серьезных аргументов, чтобы не согласиться с тем, что свойство преюдициальности может быть выведено из иных свойств решения третейского суда, которые присущи ему в силу закона (хотя и не в силу того, что оно является актом правосудия). Преюдициальность фактически основана на том, что выводы, сделанные судом однажды, являются обязательными для сторон и не могут быть пересмотрены, за исключением ситуации, когда решение отменено. Это актуально и для решения третейского суда. Ведь то, что установлено третейским судом, для сторон такого разбирательства фактически предreshено (а мы помним, что именно это означает слово «преюдициальность»). Видимо, как раз поэтому в системе третейских судов (но не государственных), как продемонстрировано выше, преюдициальный эффект арбитражных решений учитывается.

Однако есть формальное препятствие для применения описанной логики в вертикали государственных судов, обозначенное выше, — в законе свойство преюдициальности прямо для третейских решений не предусмотрено. Это означает, в частности, что выводы трибунала необязательны для государственного суда. При этом аргумент об обязательности арбитражного решения для сторон не означает распространение такого свойства и на государственные суды. Тут как минимум сразу напрашивается довод о злоупотреблении правом стороной, которая ссылается на некие обстоятельства в противоречие решению третейского суда. Вместе с тем, как будет показано ниже, довод об эстоппеле может быть заявлен в исключительных случаях.

Учитывая вышесказанное, на практике и в доктрине было выработано несколько подходов, позволяющих обойти указанное упущение законодателя, которые мы рассмотрим ниже.

⁵⁴ Ерпылева Н.Ю. Указ. соч.

Санкция государственного суда

В качестве компромиссной точки зрения развивается позиция о том, что с момента признания и приведения в исполнение (или выдачи исполнительного листа) решение третейского суда становится в некотором роде частью государственной системы судебных решений, вследствие чего приобретает полноценно все свойства решения государственного суда, включая преюдициальность и исполнимость⁵⁵.

В частности, С.А. Курочкин отмечает, что справедлива позиция, занятая в том числе В.В. Ярковым, что о свойстве преюдициальности решений третейского суда можно говорить только в отношении тех решений, которые были признаны и приведены в исполнение государственными судами. При этом отмечается, что преюдициальное значение будут иметь только те факты, которые отражены в судебном акте государственного суда⁵⁶.

Также, например, в отношении решений иностранных судов в судебной практике отмечается:

«Признанием является полное приравнение решения иностранного суда к вступившему в законную силу решению российского суда, то есть признание за ним свойств обязательности, неизменяемости и недопустимости нового решения по тому же иску (то есть исключительностью), и одновременно введение его в действие на территории России»⁵⁷.

Получается, что указанная компромиссная точка зрения может быть разложена еще на две точки зрения, а именно (1) что преюдициальными могут быть только те факты, которые прямо упомянуты государственным судом в принятом определении, или (2) что достаточно признания решения третейского суда *per se* вне зависимости от перечисления в определении государственного суда тех или иных фактов.

У первой точки зрения есть ряд недостатков. Во-первых, при признании и приведении решения в исполнение (или выдаче исполнительного листа) суд не обязан указывать в определении какие-либо факты, установленные трибуналом (ст. 240, 245 АПК РФ, ст. 427 ГПК РФ). Поэтому невелика вероятность того, что такие факты будут в нем перечислены⁵⁸. Более странной покажется суду просьба представителя одной из сторон зафиксировать в определении конкретные факты, установленные трибуналом. Однако на практике не стоит избегать такой возможности наделить решение третейского суда свойством преюдициальности (хотя остается неясным, в какой форме они должны быть изложены: как цитирование текста арбитражного решения или достаточно парафраза).

⁵⁵ См.: Костин А.А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации. М., 2020.

⁵⁶ См.: Курочкин С.А. Указ. соч.

⁵⁷ Постановление АС Уральского округа от 03.03.2015 по делу № А47-8654/2014. Аналогичный вывод см.: постановление ФАС Московского округа от 24.06.2010 по делу № А40-24334/10-25-170.

⁵⁸ См. также: Чупахин И.М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы. М., 2015.

Во-вторых, в такой точке зрения, судя по всему, нет ничего компромиссного, так как определение государственного суда о признании и приведении в исполнение или о выдаче исполнительного листа подпадает под понятие «судебный акт», используемое в ч. 2 ст. 69 АПК РФ⁵⁹, закрепляющей преюдициальность судебных решений. Поэтому это действующая лазейка для того, чтобы зафиксировать наиболее важные факты (например, о расторжении договора).

Вторая точка зрения является более интересной (и в то же время более спорной), так как предполагает распространение законной силы государственных судов на решения третейских судов в полной мере вне зависимости от закрепления в решении конкретных обстоятельств. Видимо, такой эффект признания обосновывается тем, что государственный суд, санкционируя принудительное исполнение решения третейского суда, также осуществляет некий акт правосудия, позиционируя, что принятое третейским судом решение не противоречит публичному порядку Российской Федерации (а также при этом не выявлено каких-либо других нарушений, связанных с наличием действительной арбитражной оговорки и т.п.).

С одной стороны, такая позиция кажется убедительной, так как государственные суды действительно наделены правом выдавать экзекутуры, признавая силу решений третейских судов. С другой стороны, институт признания и приведения в исполнение решений третейских судов имеет абсолютно иную цель. Он направлен на принудительное исполнение, а потому суд проверяет лишь ограниченное число вопросов, а именно было ли достигнуто сторонами арбитражное соглашение, соответствовал ли спор и процедура этому соглашению, будет ли принудительное исполнение решения противоречить публичному порядку России и т.п. В этом списке не предусмотрена проверка корректности установления третейским судом фактов по делу. Поэтому довольно неестественно будет утверждать, что, соглашаясь с корректностью процедуры арбитражного разбирательства, государственный суд автоматически соглашается с корректностью установления трибуналом фактов (ведь, как отмечалось выше, государственный суд при принудительном исполнении арбитражного решения не пересматривает спор по существу). Имплицировать такое согласие суда с корректностью установления фактов невозможно без специальной нормы закона. Такой нормы на сегодняшний день нет. Однако это и не потребуется, если включить в закон правило о преюдициальности арбитражных решений.

Возможно, для того чтобы компромиссный подход (вариант № 2) работал, следует опустить изложенную выше аргументацию, основанную на порядке признания и приведения в исполнение арбитражных решений, и толковать правило о том, что государственный суд не пересматривает решения третейских судов по существу, как основание для такой идеи, как доверие государства к частноправовой форме правосудия. На сегодняшний день в российской юридической литературе начинает формироваться мнение о том, что конституционная природа третейского разбирательства недооценена, и поэтому решения трибунала могут быть рассмотре-

⁵⁹ Аналогично ч. 2 ст. 61 ГПК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» касательно содержания термина «судебное постановление».

ны как родственные актам правосудия, хоть и следующие из частного соглашения сторон, а не публичной власти⁶⁰.

В таком случае после признания и приведения в исполнение решение трибунала может быть рассмотрено как часть системы государственных актов правосудия с соответствующими последствиями в виде наделения свойствами исполнимости и преюдициальности, где согласие с корректным установлением фактов будет имплецироваться.

В судебной практике уже появляются дела-индикаторы, поддерживающие указанный подход. Например, АС Северо-Западного округа в деле Балтийского завода пришел к следующему выводу:

«Решение Арбитража и постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по делам № А56-6656/2010 и № А56-60007/2008 являются обязательными для применения всеми органами государственной власти, местного самоуправления, иными органами и организациями, должностными лицами и гражданами и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации. Следовательно, установленные в них обстоятельства имеют преюдициальное значение для рассмотрения настоящего арбитражного дела»⁶¹.

Важно, конечно, отметить, что в этом деле все необходимые суду выводы были подтверждены прямо в судебных актах государственных судов (вариант № 1 выше). Но желание суда продемонстрировать самостоятельную ценность *приведенного в исполнение* решения Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма налицо.

Поэтому на настоящий день нельзя однозначно утверждать, что экзекватура государственного суда *per se* в отношении решения третейского суда наделяет его законную силу свойством преюдициальности. Однако это, возможно, сильный аргумент, который можно развивать в процессе. В данной ситуации следует надеяться на дальнейшее развитие доктрины и практики в части «частноправового правосудия». Кроме того, юристам-практикам следует настаивать на включении ряда фактов в определения государственных судов о признании и приведении или выдаче исполнительного листа.

Решение третейского суда как доказательство

В судебной практике и доктрине высказывается также мнение о том, что, хотя решения третейских судов не являются преюдициальными, они тем не менее являются доказательством по делу, и в этом смысле факты, установленные таким решением, могут быть учтены государственным судом. Например, еще в 2010 г. отмечалось: «В российском процессуальном законодательстве решениям третей-

⁶⁰ См.: Джагарян А.А., Бенедская О.А. Не меньше, чем суд: конституционная природа третейского разбирательства в российской правовой системе // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 5. С. 106–125.

⁶¹ Постановление АС Северо-Западного округа от 20.01.2016 по делу № А56-81498/2014.

ского суда преюдициальное значение не придается <...> При этом «первое» решение третейского суда должно приниматься и исследоваться как письменное доказательство по «другому делу»⁶².

Позднее в 2014 г. о такой опции прямо написал КС РФ со ссылкой на общее понятие доказательств, содержащееся в ГПК РФ: «При этом лица, участвующие в деле, не лишены возможности ссылаться на принятое в отношении них решение третейского суда как на письменное доказательство, подтверждающее их позицию по делу (часть первая статьи 55 ГПК Российской Федерации)»⁶³.

В этом отношении интересно следующее дело, рассмотренное АС Московского округа. Истец («Объединенная зерновая компания») обратился в суд с иском к поручителям по договорам купли-продажи сельскохозяйственной продукции. До этого в рамках третейского разбирательства в МКАС при ТПП РФ истец выиграл спор против продавцов продукции (иностранных компаний). Соответственно, в государственном суде он ссылаясь на то, что в рамках арбитража была установлена задолженность продавцов, которым был перечислен аванс в счет поставки и не возвращен, а сама поставка не произведена. Ответчики (поручители) обратились в суд со встречным иском, утверждая, что договоры поручительства были недействительными. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований истца и удовлетворил встречный иск. АС Московского округа, отменяя решения первой инстанции и апелляции, постановил, в частности, что суд первой инстанции ошибочно указал на отсутствие подтверждения перевода денежных средств (которые истребовались обратно) продавцам товара в счет будущей поставки и не оценил для этого принятые МКАС при ТПП РФ решения: «В соответствии со статьей 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, указанные решения не имеют преюдициального значения для рассмотрения настоящего дела, однако являются одним из доказательств по делу. Суды первой и апелляционной инстанции оценку представленным судебным актам МКАС не дали»⁶⁴.

Такая позиция на первый взгляд кажется убедительной, так как в процессуальных кодексах под доказательствами понимаются любые «сведения о фактах» (ч. 1 ст. 64 АПК РФ, ч. 1 ст. 55 ГПК РФ), что представляет собой довольно гибкую формулировку дефиниции «доказательства». Очевидно, что решение третейского суда содержит сведения о фактах. При этом допустимы как минимум два возражения касательно приведенной позиции.

Первое возражение заключается в том, что суд при оценке доказательств обязан изучать их непосредственно. Принцип непосредственного исследования доказательств прямо закреплен в законе (ч. 1 ст. 71 АПК РФ, ч. 1 ст. 67 ГПК РФ). Он означает, что судья должен лично и самостоятельно исследовать доказательства⁶⁵, в том числе оценить их относимость, допустимость и достоверность (ч. 2 ст. 71 АПК

⁶² Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 4-е изд., перераб. и доп.

⁶³ Определение КС РФ от 25.09.2014 № 2136-О.

⁶⁴ Постановление АС Московского округа от 09.10.2017 по делу № А40-15815/2015.

⁶⁵ Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп.

РФ, ч. 3 ст. 67 ГПК РФ). Однако факты, изложенные в решении третейского суда, были исследованы и оценены трибуналом. Судья государственного суда не может убедиться в правильности их установления, не обратившись непосредственно к самим первичным доказательствам, лежащим в основе решения третейского суда⁶⁶. При исследовании самого решения третейского суда как доказательства суд может установить, что такое разбирательство имело место, что в рамках него было вынесено соответствующее решение и т.п. Но суд не может установить непосредственно обстоятельства. Поэтому если мы пытаемся заменить эффект преюдициальности на доказательственный характер третейского решения, то тем самым мы размываем принцип непосредственного исследования доказательств, что недопустимо.

Второе возражение взаимосвязано с первым и заключается в том, что решение третейского суда в части установленных им фактов является косвенным доказательством, а не прямым. Под косвенным доказательством понимается доказательство, которое не имеет прямой связи с фактом, но позволяет сделать относительно него несколько предположительных выводов⁶⁷. В таком случае принято говорить о многозначности связи искомого факта и доказательства, т.е. невозможности сделать однозначный вывод о наличии или отсутствии обстоятельства.

Правовое значение разделения доказательств на прямые и косвенные заключается в том, что одного косвенного доказательства недостаточно для установления того или иного факта⁶⁸. Как минимум требуется их совокупность. В судебной практике часто можно встретить вывод суда о том, что того или иного доказательства недостаточно, так как оно является косвенным, или что для доказывания определенного факта требуется непосредственно прямое доказательство. В связи с этим предоставление текста решения третейского суда будет лишь косвенным подтверждением существования установленных им фактов, а поэтому самого по себе решения будет недостаточно. Указанное не позволяет использовать институт доказательств и доказывания с целью полноценного замещения непризнанного эффекта преюдициальности арбитражного решения. Хотя в ряде случаев это доступная опция для юристов-практиков.

Выводы третейского суда как признанные сторонами факты

В доктрине также высказывается точка зрения о том, что факты, установленные трибуналом в рамках третейского разбирательства, могут быть рассмотрены в качестве обстоятельств, признанных сторонами⁶⁹. Она базируется на ч. 2 ст. 70 АПК

⁶⁶ См.: *Чуахин И.М.* Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы. М., 2015.

⁶⁷ См.: Курс доказательственного права. Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

⁶⁸ См.: Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017. См. также: Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014; Курс доказательственного права. Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство.

⁶⁹ См.: *Морозов М.Э.* Правовая природа законодательства, регулирующего третейское судопроизводство. Новосибирск, 2008. С. 81.

РФ, закрепляющей следующее: «Признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания».

Тут важно обратить внимание на то, что речь идет именно о ч. 2 ст. 70 АПК РФ, т.е. о признании обстоятельств путем достижения соглашения сторонами, а не ч. 3 этой статьи, предполагающей, что обстоятельство может быть признано стороной и в одностороннем порядке.

В пользу такой позиции можно сослаться на то, что, заключая арбитражное соглашение, стороны связывают себя выводами трибунала, т.е. они обязаны впоследствии добровольно исполнить решение третейского суда. В этом смысле стороны заранее соглашаются с выводами, к которым придет трибунал. А значит, можно допустить, что стороны «признают» факты, установленные третейским судом, в результате «достигнутого между ними соглашения» касательно рассмотрения спора не в государственном суде, а в третейском.

Однако такая логика порочна, так как ч. 2 ст. 70 АПК РФ предполагает *самостоятельное* достижение сторонами согласия по тем или иным обстоятельствам. Это является *самостоятельным* результатом примирения сторон⁷⁰, т.е. каждая из них должна согласиться с тем или иным фактом в отдельности, он должен быть для них бесспорным. Ранее Президиум ВАС РФ отмечал, что у сторон даже сохраняется возможность впоследствии заявить о том, что соглашение о признании обстоятельств является ошибочным⁷¹. Учитывая, что в процессе третейского разбирательства стороны с большой вероятностью не соглашаются друг с другом по большинству обстоятельств, довольно натянутой является логика, позволяющая утверждать, что стороны достигли соглашения по таким обстоятельствам просто в силу того, что связали себя арбитражным соглашением. Разумно утверждать, что ч. 2 ст. 70 АПК РФ требует отдельного соглашения сторон по тому или иному обстоятельству. Нам неизвестны случаи в судебной практике, которые позволяли бы использовать описанный выше аргумент. Однако он также может быть взят на заметку, особенно в части обстоятельств, которые хоть и рассматривались трибуналом в ходе третейского разбирательства, но не оспаривались сторонами. В таком случае важно, чтобы в арбитражном решении было зафиксировано, что стороны согласны с существованием/отсутствием того или иного обстоятельства.

Злоупотребление правом

Еще одним потенциальным аргументом может стать аргумент о недобросовестности стороны, ссылающейся на обстоятельства в противоречие с тем, как они установлены трибуналом. Возможность такого аргумента следует напрямую из ч. 2 ст. 41 АПК РФ и ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, закрепляющих, что «лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им про-

⁷⁰ См.: п. 8 постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе».

⁷¹ См.: п. 14 информационного письма Президиума ВАС РФ от 22.12.2005 № 99 «Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

цессуальными правами». Представление стороной доказательств или ссылка на определенные обстоятельства в рамках судопроизводства является реализацией этой стороной своих процессуальных прав, а значит, такие действия ограничены принципом добросовестности (т.е. недопущением недобросовестного поведения, злоупотребления правом).

Какое конкретно поведение может блокироваться ссылкой на недобросовестность/злоупотребление? Ведь по опыту применения ст. 10 ГК РФ известно, что широкое (неограниченное) применение таких исключительных норм дестабилизирует систему гражданских правоотношений.

В данном случае недобросовестность будет представлять собой некий эстоппель, т.е. запрет противоречивого поведения. Материальный эстоппель уже известен российскому праву и в некоторых случаях прямо закреплен в законе (п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 166 ГК РФ). Процессуальный эстоппель также встречается. Например, в определении от 13.04.2016 № 306-ЭС15-14024 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ отменила постановление окружного суда, сославшись на то, что суд не учел принцип добросовестности и незаконно прекратил рассмотрение дела, в частности аргументируя это так: «Указанные действия ООО «НСТ» свидетельствуют о признании им изначально процессуального положения Суровцевой Е.А. в качестве ответчика по делу, рассматриваемому в арбитражном суде, что влечет за собой в целях пресечения необоснованных процессуальных нарушений потерю права на возражение (эстоппель) в отношении процессуального статуса Суровцевой Е.А. и компетенции суда, рассматривающего спор».

В этом смысле ссылки сторон на факты в противоречие с тем, как они установлены трибуналом, должны свидетельствовать о противоречивости их поведения. Например, эстоппель может быть применен в той ситуации, если истец (сторона А) ссылался на определенные обстоятельства в рамках третейского разбирательства (ответчик, сторона Б, ссылался, соответственно, на противоположные обстоятельства), трибунал в рамках третейского разбирательства установил существование таких обстоятельств (т.е. согласился с истцом (стороной А)), а в другом деле в государственном суде такой истец (будучи, например, уже ответчиком) ссылается на отсутствие этих обстоятельств в споре между теми же лицами (рис. 1; на нем и на следующих рисунках «1» — утверждение о факте, «2» — обратное утверждение о факте).

Рис. 1

Однако кажется необоснованным говорить об эстоппеле в ситуации, когда, например, ответчик (сторона Б) отрицал определенные факты в рамках третейского раз-

бирательства и продолжает их отрицать в ином деле между теми же лицами, несмотря на наличие решения третейского суда, установившего соответствующие факты обратным образом, так как в таком случае в поведении такого лица нет противоречивого поведения (см. вариант 1 выше). Такая сторона никогда не признавала соответствующие факты.

Также сложно говорить об эстоппеле, когда трибунал не согласился с толкованием определенных доказательств, предложенных истцом (стороной А) (сторона Б, соответственно, занимает противоположную позицию), но в другом процессе истец (сторона А), будучи уже ответчиком, продолжает ссылаться на факты, как и ссылался ранее. Снова нет противоречивого поведения (рис. 2).

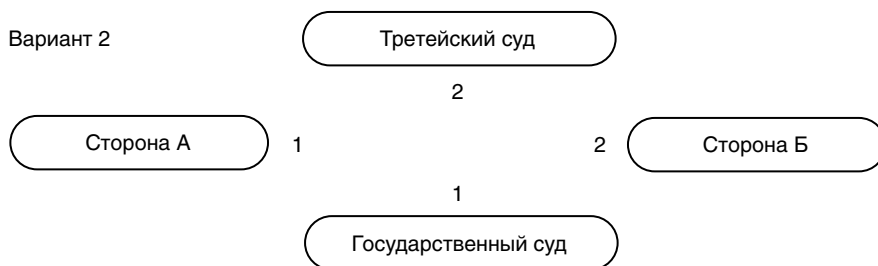

Рис. 2

Получается, что вопрос применения эстоппеля никак не связан с законной силой решения третейского суда, так как оценивается противоречивость поведения и заявлений непосредственно стороны. И в этом плане ссылка на злоупотребление правом не может заменить собой тот эффект, который дает преюдициальность.

Фактически получается, что говорить о злоупотреблении можно только в том случае, если истец в третейском суде настаивал на существовании одних обстоятельств, а в государственном суде по другому делу, будучи истцом или ответчиком, переигрывает ситуацию, ссылаясь на существование противоположных обстоятельств. Если же, например, в иске об убытках истец (сторона А) утверждал, что сделка действительна, трибунал постановил в пользу ответчика (стороны Б), что она недействительна, и в дальнейшем такой истец (сторона А) ссылается на недействительность сделки в соответствии с решением трибунала, то опять же в этом случае нет недобросовестности, хотя и есть противоречивость поведения (рис. 3). Ведь истец следует решению трибунала, что является абсолютно законным поведением.

Рис. 3

Соответственно, эстоппель существует там, где сторона настаивала на том или ином факте, третейский суд с ним согласился, и сторона решила в другом процессе переиграть ситуацию (см. выше вариант 1 для стороны А и вариант 2 для стороны Б). Только такие случаи будут замещать эффект преюдициальности. В остальных случаях затруднительно говорить о недобросовестности как об эстоппеле. Однако приведенное количество вариантов не является исчерпывающим. Ситуация может быть осложнена различными обстоятельствами (в том числе с участием третьих лиц и т.п.). Именно поэтому допущение аргумента о недобросовестности для достижения эффекта преюдициальности сопряжено с опасностью его неправомерного использования.

Альтернативно можно рассмотреть такой довод, как наличие противоречивости в том, что сторона заключила арбитражное соглашение, а значит, согласилась добровольно следовать решению трибунала. Если трибунал установил обстоятельства определенным образом, то для сторон спора такая интерпретация становится обязательной и они обязаны ей следовать вне зависимости от того, что заявляли в процессе. Поэтому в будущем, ссылаясь на факты в противоречие с решением третейского суда, сторона как бы нарушает свое правовое обещание следовать решению трибунала. Однако на настоящий момент у нас нет оснований утверждать, что в российском праве *de lege lata* существует возможность такого широкого применения принципа добросовестности.

Заключение

На сегодняшний день у решений третейских судов в России отсутствует преюдициальный эффект. Это означает, что государственный суд в другом деле между теми же сторонами вправе переустановить обстоятельства дела. Что касается третейских судов, то по общему правилу трибуналы также не ограничены выводами иных трибуналов, сделанных по обстоятельствам в споре между теми же сторонами, но на практике наблюдается тенденция соблюдения принципа преюдициции.

Мы считаем, что свойство преюдициальности можно вывести из других свойств арбитражного решения. Хотя оно и не обладает той же законной силой, что и решение государственного суда, так как не является актом правосудия, закон все же устанавливает, что оно неопровержимо, обязательно и исключительно для сторон. Однако такого имплицитного свойства преюдициальности недостаточно для того, чтобы государственные суды ему следовали, так как обязательность решения третейского суда существенно уже, чем обязательность решения государственного суда. В частности, она не распространяется непосредственно на сами государственные суды.

Преюдициальность снижает риск сосуществования конкурирующих судебных решений. Поэтому преюдициальность следует закрепить для арбитражных решений в законе. При этом права третьих лиц не будут затронуты в силу субъективных пределов преюдициальности. Пока этого не произошло, потенциально можно воспользоваться следующими способами защиты, приведенными на рис. 4.

Преюдициальность арбитражных решений в России

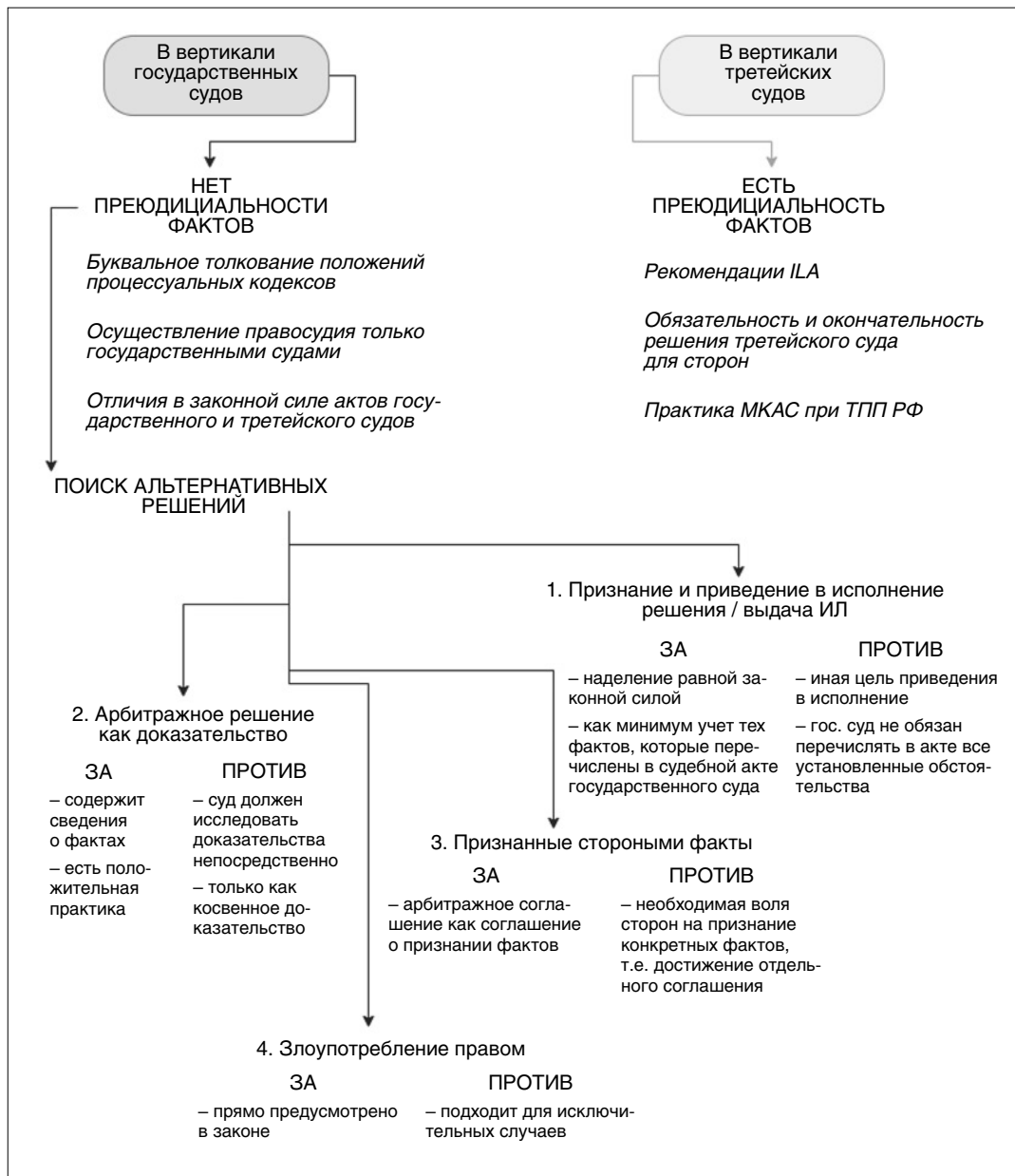

Рис. 4

Prejudicial Nature (Issue Estoppel Effect) of Arbitral Awards in Russia

The article is aimed to discuss the 'issue estoppel' effect of an arbitral award (as part of the '*res judicata*' principle). Nowadays, the Russian state courts are not bound by the conclusions of tribunals regarding the circumstances of the case established by such tribunals in the previous proceedings, and, therefore, the state courts are entitled to re-evaluate the evidence in a dispute between the same parties. It means that a decision of a state court in further proceeding between the same parties may contradict with the conclusions of a tribunal made in the previous case (for instance, regarding the fact of termination of a contract). In the legal commentaries an approach has been developed that the 'issue estoppel' effect may be implied based on such features of arbitral award as, for example, its mandatory nature for the parties. But such approach is denied in the case law. Authors argue that a number of measures may help practitioners to reach the same effect as an 'issue estoppel' during the subsequent state courts proceedings (but such measures have their shortcomings).

Keywords: *res judicata, claim estoppel, issue estoppel, arbitral award, recognition and enforcement of arbitral awards, evidence, abuse of process*

Dmitry Ilin

Associate, *KK&P Trial Lawyers* (e-mail: dima3ilin@gmail.com).

Alexandra Borisova

Associate, *KK&P Trial Lawyers* (e-mail: alexandraborisova2014@outlook.com).

References

- Asoskov A.V. Commentary to the International Law Association Recommendations on the Application of the Doctrines of *lis pendens* and *res judicata* in Relation to Arbitration: Main Provisions and Perspectives for Use in Russian Practice [Kommentariy k Rekomendatsiyam Assotsiatsii mezhdunarodnogo prava o primeneni doktrin lis pendens i res judicata v otnoshenii arbitrazha: osnovnye polozheniya i perspektivy ispolzovaniya v rossiiskoi praktike]. International Commercial Arbitration [Mezhdunarodnyi kommercheskiy arbitrazh]. 2008. No. 2. P. 74–98.
- Asoskov A.V., Muranov A.I., Khodykin R.M., eds. The New Horizons of International Arbitration: A Collection of Articles by Speakers at the Russian Arbitration Day 2018 Conference [Novye gorizonty mezhdunarodnogo arbitrazha: sb. st. vystupayuschikh na konferentsii 'Rossiiskiy arbitrazhnyi den' —2018]. Moscow, Assotsiatsiya issledovateley mezhdunarodnogo chastnogo i sravnitel'nogo prava, 2018. 356 p.
- Benedskaya O.A. Prejudice in Arbitrazh Courts and Arbitral Tribunals: Theoretical and Practical Problems in the Light of the Prohibition of Abuse of Procedural Rights [Preyuditsiya v arbitrazhnykh i treteiskikh sudakh: teoreticheskie i prikladnye problemy v svete zapreta zloupotrebleniya protsessualnymi pravami]. The Herald of Civil Procedure [Vestnik grazhdanskogo protsessa]. 2019. No. 4. P. 216–235.
- Bezrukov A.M. Prejudicial Relation of Judicial Acts [Preyuditsialnaya svyaz' sudebnykh aktov]. Moscow, Wolters Kluwer, 2007. 144 p.
- Blackaby N., Partasides C., Redfern A., Hunter M. Redfern and Hunter on International Arbitration. Oxford, OUP, 2009. 849 p.
- Chupakhin I.M. Arbitral Award: Theoretical and Practical Problems [Reshenie treteiskogo suda: teoreticheskie i prikladnye problemy]. Moscow, Infotropic Media, 2015. 188 p.
- Derbushev G. Res Judicata and Arbitral Awards: LL.M. Short Thesis. Budapest, 2019. 98 p.
- Dzhagaryan A.A., Benedskaya O.A. No Less Than a Court: The Constitutional Nature of Arbitration in the Russian Legal System [Ne men'she, chem sud: konstitutsionnaya priroda treteiskogo razbiratelstva v rossiiskoi pravovoi sisteme]. Comparative Constitutional Review [Srnitelnoe konstitutsionnoe ovozrenie]. 2018. No. 5. P. 106–125.
- Erypleva N.Yu. International Commercial Arbitration: Institutional and Regulatory Mechanism [Mezhdunarodnyi kommercheskiy arbitrazh: institutsionno-normativnyi mekhanizm pravovogo regulirovaniya]. Legislation and Economics [Zakonodatelstvo i ekonomika]. 2011. No. 1. P. 38–58.
- Fokina M.A., ed. A Course on Evidentiary Law. Civil Procedure. Arbitration Process. Administrative Litigation [Kurs dokazatelstvennogo prava. Grazhdanskiy protsess. Arbitrazhnyi protsess. Administrativnoe sudoproizvodstvo]. 2nd ed. Moscow, Statut, 2019. 656 p.
- Galperin M.L., Pavlova N.V. What's Ahead for Arbitration? [Kuda idet treteiskoe razbiratelstvo?]. Statute [Zakon]. 2019. No. 8. P. 125–139.
- Gary B. International Commercial Arbitration. Alphen aan den Rijn, Kluwer Law International, 2014. 4408 p.

- Gavrilenko V.A. Precedence of Decisions of Arbitral Tribunals [*Svoistvo preyuditsialnosti resheniy treteiskikh sudov*]. Enforcement Law [*Isполнительное право*]. 2006. No. 3. P. 9–10.
- Greshnikov I.P., ed. International Commercial Arbitration and Private Law Issues: A Collection of Articles [*Mezhdunarodnyi kommercheskiy arbitrazh i voprosy chastnogo prava: sb. st.*]. 2nd ed. Moscow, Statut, 2019. 303 p.
- Khvalev V.V., ed. Scientific and Practical Article-by-Article Commentary on Arbitration Legislation [*Nauchno-prakticheskiy postateinyi kommentariy k zakonodatelstvu o treteiskikh sudakh*]. Moscow, RAA, 2017. 935 p.
- Khvostov V. System of Roman Law [*Sistema rimskogo prava*]. Moscow, Yurait, 2019. 748 p.
- Kostin A.A. Legal Basis for the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in the Russian Federation [*Pravovye osnovaniya priznaniya i ispolneniya inostrannykh sudebnykh resheniy v Rossiiskoi Federatsii*]. Moscow, Statut, 2020. 207 p.
- Kostin A.A. The Issue of the Preclusive Effect of International Commercial Arbitration Awards in Russian Law [*Problema preyuditsialnoi sily resheniy mezhdunarodnykh kommercheskikh arbitrazhei v zakonodatelstve RF*]. Actual Problems of Russian Law [*Aktualnye problemy rossiiskogo prava*]. 2014. No. 3. P. 493–498.
- Kotelnikov A., Kurochkin S.A., Skvortsov O. Arbitration in Russia. Alphen aan den Rijn, Kluwer Law International, 2019. 224 p.
- Kurochkin S.A. Arbitration and International Commercial Arbitration [*Treteiskoe razbiratelstvo i mezhdunarodnyi kommercheskiy arbitrazh*]. Moscow, Statut, 2017. 288 p.
- Lunaeva T.A., ed. International Commercial Arbitration: A Textbook [*Mezhdunarodnyi kommercheskiy arbitrazh: uchebnik*]. Saint Petersburg, Redaktsiya zhurnala 'Treteiskiy sud', Moscow, Statut, 2018. 965 p.
- Mantashyan A.O. Enforceability of the Judgment [*Isполнимост' sudebnogo resheniya*]. Modern Law [*Sovremennoe право*]. 2015. No. 11. P. 89–93
- Margaret L.M. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration, Cambridge, CUP, 2008. 392 p.
- Morozov M.E. The Legal Nature of the Legislation Governing Arbitration Proceedings [*Pravovaya priroda zakonodatelstva, reguliruyushchego treteiskoe proizvodstvo*]. Novosibirsk, Ekor-kniga, 2008. 176 p.
- Pobedonostsev K.P. Course on Civil Law [*Kurs grazhdanskogo prava*]. Moscow, Direct Media, 2014. 2453 p.
- Reshetnikova I.V., ed. Peculiarities of Arbitration Proceedings: A Textbook [*Osobennosti arbitrazhnogo proizvodstva: ucheb.-prakt. posobie*]. Moscow, Yustitsiya, 2019. 323 p.
- Savigny F.K. System of Modern Roman Law. Vol. IV [*Sistema sovremennogo rimskogo prava. T. IV*]. Moscow, Statut, 2016. 480 p.
- Schaffstein S. The Doctrine of Res Judicata before International Arbitral Tribunals: PhD Thesis. Geneva, 2012. 346 p.
- Tanimov O.V. Theory of Legal Fictions. A Monograph [*Teoriya yuridicheskikh fiktsiy. Monografiya*]. Moscow, Prospekt, 2015. 224 p.
- Treushnikov M.K., ed. Civil Procedure: A Textbook [*Grazhdanskiy protsess: uchebnik*]. Moscow, Statut, 2014. 960 p.
- Yarkov V.V. Arbitration Procedure: A Textbook [*Arbitrazhnyi protsess: uchebnik*]. 7th ed. Moscow, Statut, 2017. 752 p.
- Yarkov V.V. Arbitration Procedure: A Textbook [*Arbitrazhnyi protsess: uchebnik*]. 7th ed. Moscow, Infotropic Media, 2010. 880 p.
- Yarkov V.V., ed. Civil Procedure: A Textbook for Law Students [*Grazhdanskiy protsess: uchebnik dlya studentov vysshikh yuridicheskikh uchebnykh zavdeniy*]. 10th ed. Moscow, Statut, 2017. 720 p.
- Zeider N.B. Judgment in a Civil Case [*Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu*]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1966. 192 p.
- Zvereva N.S. The Interaction of Alternative Dispute Resolution Methods and Civil Litigation in Russian and French Law [*Vzaimodeistvie alternativnykh metodov uregulirovaniya sporov i grazhdanskogo sudoproizvodstva v prave Rossii i Frantsii*]. Moscow, Statut, 2017. 384 p.
- Zykov R.O., ed. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Russia and the Former Soviet Union [*Priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannykh arbitrazhnykh resheniy v Rossii i stranakh byvshego SSSR*]. Moscow, Arbitrazhnaya assotsiatsiya, 2019. 999 p.